

Евгений Карнович

Станислав Август, король польский

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Станислав Август, король польский

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Три раза спрашивал примас шляхту и три раза она повторяла имя Станислава Понятовского. Избрание нового короля было исполнено стародавним порядком. Тогда примас, на другой день, объявил на поле государем Польши и Литвы Станислава Понятовского и, став на колени, запел под открытым небом: „Te Deum“. Звук труб и гром литавр возвестили, что наступило новое царствование...»

Содержание

Евгений Петрович Карнович Станислав Август, король польский	0004
#2	0035

Евгений Петрович Карнович Станислав Август, король польский

Фамилия Понятовских, от которой происходил последний король польский, не отличалась в Польше ни знатностью, ни богатством.

Впрочем, надобно заметить, по польским гербовникам, составленным после возвышения Понятовских, Понятовские вели своё начало от Лудольфа, герцога саксонского, жившего около 886 года, и от Гвидона Салингуэры, первого владельца Феррары. По родословным. там помещённым, король был в 29-м колене потомком Лудольфа и в 20-м потомком Гвидона. По сказаниям же польских геральдиков вообще, прямой родоначальник Понятовских, граф Торели, выехал в Польшу из Италии только в первой половине XVII века; он женился здесь на наследнице имения Понятова и принял фамилию Понятовского, приписавшись к гербу "Телец". Известно, что в польской геральдике не каждая дворянская

фамилия имела свой герб, но всего было около двух с половиною сотен гербов, к которым и приписывались лица, поступившие в сословие польского дворянства.

Первый из Понятовских был храбрый воин и имел сына Францишка, родившегося 3 октября 1651 г. и отличившегося впоследствии в рядах Собеского, под стенами Вены; от брака с Еленю Невяровской он имел несколько человек детей и в числе их был Станислав, отец будущего короля.

Станислав Понятовский родился в 1675 году. По своему характеру и по своим деяниям он принадлежит к числу замечательнейших лиц в польской истории. Молодость свою он провёл в австрийской службе, под знамёнами принца Евгения Савойского. Король польский Август II, вступивши на престол, конфисковал имения Понятовского, за приверженность его к королю Станиславу Лещинскому. Будучи предан последнему, Понятовский естественно был приверженцем Карла XII, к которому он и удалился в 1709 году. Когда Карл XII жил в Бендерах, Понятовский отправился в Константинополь и там успел вооружить Порту

против России. Следствием этого был прутский поход, так неудачно кончившийся для Петра Великого.

Когда Карл XII был убит, Лещинский, потеряв надежду возвратить утраченную им корону, подписал своё отречение от польского престола, и отправил это отречение с тем, кто делил все его невзгоды и все опасности: он желал этим самым сблизить Понятовского со своим счастливым соперником – королём Августом. Смело и даже гордо явился тогда Понятовский перед Августом II, и объявив ему, что так как законный король польский и великий князь литовский Станислав Лещинский добровольно сложил с себя корону и уступил её курфюрсту саксонскому Августу, то он, Понятовский, признаёт теперь законным государем Польши и Литвы курфюрста саксонского Августа II.

Август II оценил благородное упорство Понятовского; он принял его чрезвычайно ласково, сделал ловчим великого княжества Литовского, потом старостой любельским, потом воеводой мазовецким, а наконец каштеляном краковским. Достигнув этого звания,

Станислав Понятовский стал первым сановником королевства; на этой должности, вместе с доходами с возвращённых ему родовых имений, он получал по крайней мере 300.000 злотых ежегодно. Почести и общее уважение окружали заслуженного воина. Оценив вполне ум и твёрдость Понятовского, Август II посылал его два раза польским посланником в Париж.

Непреклонный в боях и в несчастьях, каштелян краковский не устоял однако перед милостивой девушкой, и уж под пятьдесят лет женился на княжне Констанции Чарторыйской, которой в день свадьбы было не более 18-ти лет. Этот брак, несоразмерный по годам жениха и невесты, не принёс особенного счастья каштеляну краковскому; его молодая супруга была женщина гордая и строптивая в отношении к мужу – и, как говорила молва, была ветрена в супружеской жизни. Она подарила каштеляну двух дочерей: Людвигу и Изабеллу, и пять сыновей; из них четвёртому, Станиславу, судьба определила носить польскую корону. Он родился 17 января 1732 года, в местечке Волчине, в то время, как его мать

была во всём блеске женской красоты, а отец, удручённый годами и тревогами, испытанными в жизни, казался уже слабым и болезненным стариком.

Детство своё провёл будущий король в деревенском уединении, под надзором своей матери, которая позаботилась о том, чтоб дать ему если не основательное, то блестящее и разностороннее образование. В самые молодые годы он объехал почти всю Европу. С первого вступления своего в свет, красивый, ловкий и остроумный Понятовский нашёл счастье у женщин; а известно, что кого любят женщины, того полюбит и судьба.

В Париже Понятовский пользовался всеми земными удовольствиями; но они вовлекли его в неоплатные долги, и будущий король был, как несостоятельный должник, посажен в тюрьму, и только усиленные хлопоты знаменитой г-жи Жоффрен, прельщённой прекрасным узником, избавили Понятовского от тюремного заключения.

Из Парижа Понятовский поехал в Лондон, а оттуда в 1756 году отправился в качестве секретаря при английском посланнике Ви-

льяме Гембари. Победы над женщинами следовали повсюду за Понятовским. Некоторые из хорошеньких грешниц, поддававшихся его очаровательному влиянию, сохранили в своих записках откровенные рассказы о первой роковой встрече со своим искусителем, а также и о том, как они для него обманывали своих зорко стороживших мужей, и как они пробирались украдкой к счастливцу, под тенью ночи, этой верной подруги всех любовных свиданий.

В 1757 году Понятовский был назначен польским посланником в Петербург; близость его к канцлеру Бестужеву, подвергнувшемуся опале, а быть может и другие обстоятельства, заставили петербургский двор просить польского министра, графа Брюля, об отзыве Понятовского из Петербурга. При вступлении на престол Екатерины II, Понятовский был, по её желанию, назначен опять польским посланником в Петербург, и здесь этого любимца счастья и женщин ждала королевская корона.

Когда умер польский король Август II, Екатерина пригласила к себе Понятовского и

предложила ему домогаться короны Пястов. Понятовский выразил императрице своё удивление и заметил невозможность этого домогательства; но русские войска и сорок тысяч прусаков двинулись к Варшаве.

Обстоятельства между тем благоприятствовали Понятовскому. Сильнейшею в то время партией в Польше была партия князей Чарторыйских, ближайших родственников молодого Понятовского по матери. Чарторыйские, не надеясь достигнуть короны сами, так как они не пользовались расположением шляхты, замыслили посадить на польский престол своего племянника, рассчитывая, что при этом они будут властвовать его именем. Кроме опоры в партии Чарторыйских, Понятовский имел опору в общем расположении и уважении к его отцу. Притом вся почти молодёжь была на стороне умного и образованного Понятовского, как такого молодого человека, который имел достаточно сил для того, чтобы произвести необходимые реформы во внутреннем управлении и во внешней политике Речи Посполитой. Немалое число приверженцев имел очаровательный Понятов-

ский в женском поле, и надобно сказать, влияние молодых и хорошеньких женщин на дела государственные всегда и везде бывает сильнее, нежели обыкновенно думают.

Но если Понятовский лично привлекал к себе в Польше много сочувствия и подавал много надежд, то вся его семья (за исключением только старика отца), а в особенности мать его, Констанция, была предметом общей ненависти. Гордая и властолюбивая Констанция, не хотела вспомнить незнатность Понятовских; она воспитывала своих сыновей хотя и весьма тщательно, но в духе высокомерия, и мечтала приобрести для одного из них польскую корону. Происки и интриги Понятовской озлобляли против неё всех; вся Варшава называла её не иначе, как "градовой тучей".

Между тем молодые Понятовские, жившие в Варшаве и избалованные матерью, принадлежали к той беспечной молодёжи, которая делала долги без всякого расчёта и без всякой надежды на уплату, влюблялась в каждую хорошенькую женщину (и преимущественно в актрису), бегала от кредиторов, ничего не де-

лала, ничего не совестилась и веселилась каждый день до утренней зари, а иногда и подольше.

Один случай в особенности увеличил неприязнь в Варшаве к Констанции и к её семейству. Однажды у воеводы сандомирского, маршала Белинского, был великолепный и многолюдный бал. Яркими огнями блестели огромные палаты воеводы, громко раздавались резвые звуки мазурки, сливаясь с весёлым смехом варшавских красавиц. Но танцы вдруг были прерваны сильным шумом; началась, неизвестно из-за чего, ссора между старшим сыном Понятовского и молодым, богатым и знатным паном Тарло. Казимир Понятовский вызвал своего противника на поединок; на этот поединок сбирались съехаться родственники обоих соперников со своими надворными войсками, и таким образом частная ссора могла обратиться в общее кровопролитие.

Однако поединок состоялся прежде приезда родственников обеих сторон. В день, назначенный для поединка, вся Варшава побежала за Маримонтскую заставу; жёны остави-

ли своих мужей, мужа своих жён, родители своих детей и дети своих родителей, и наконец даже ученики самовольно оставили классы. Духовенство опасалось, что при этом дело дойдёт до общей схватки, и потому объявило, что не допустит в костёлы тех, кто пойдёт смотреть на поединок. Это однако не удержало любопытных, и на другой день после побоища костёлы наполнились множеством кающихся грешников и в особенности грешниц, и обряд присоединения их к церкви был совершен по тому же самому уставу, по которому совершается этот обряд над отлучёнными от церкви за тяжкие грехи. Между тем наставники отпускали розги ученикам, не бывшим в классе в день поединка. Вследствие этого, был плач в костёлах и вопль в школах.

На этом поединке погиб Тарло, любимец Варшавы. Народная молва громко говорила, что он был убит своим противником вероломно; а это обстоятельство в Польше, где понятия о рыцарской чести на поединке были сильно развиты, – усилило ещё более общую нелюбовь к Понятовским.

Впрочем к той поре, когда Станислав Поня-

товский явился искателем польской короны, время уже изгладило до некоторой степени это печальное событие из памяти народной.

За несколько дней до избрания короля, шляхта расположилась под Варшавой, разделившись на воеводства и поветы; над каждой из таких стоянок веял особый значок с гербом воеводства и повета. В день избрания, примас королевства, архиепископ гнезненский, Лубенский, выехал из своего дворца в коляске, залитой золотом и обитой внутри пунцовым бархатом с золотым позументом. По старопольскому обычаю, в этом случае примас, несмотря на то, что он был духовное лицо, должен был въехать в поле верхом на коне, но Лубенский был слаб и ходил сторбившись, а потому он отправился в экипаже, окружённый блестящими всадниками; золотая сбруя их коней ярко блистала на утреннем солнце.

При приближении примаса, сенаторы пошли к нему навстречу. Примас вышел из коляски и, стоя среди первых сановников королевства, пропел "Veni creator". После этого он сел снова в экипаж и поехал по воеводствам. Объезжая шляхту, разделённую на поветы и

земли, примас говорил: "Приветствую вас, господа и братья, на этом поле, и спрашиваю вас, кого вы избираете в короли?"

Три раза опрашивал примас шляхту и три раза она повторяла имя Станислава Понятовского. Избрание нового короля было исполнено стародавним порядком.

Тогда примас, на другой день, объявил на поле государем Польши и Литвы Станислава Понятовского и, став на колени, запел под открытым небом: "Te Deum". Звук труб и гром литавр возвестили, что наступило новое царствование. Окружённый сенаторами и панами, примас поехал к Понятовскому известить его о высоком выпавшем для него жребии; после этого, примас в карете, а за ним король верхом на коне поехали в костёл святого Яна; густая толпа конных панов следовала за Станиславом. В дверях костёла примас приветствовал нового государя торжественной речью, и принял от него присягу в том, что новый избранник на престол будет в точности соблюдать предложенные ему обязательства так называвшиеся "Pacta conventa" [1].

Таким образом воцарился Понятовский.

В это время Польше грозили дух внутренних раздоров и замыслы соседей, и только государь, твёрдый характером и напоминавший собою тени Баториев и Собеских, мог отвратить опасность, предстоявшую Речи Посполитой. Но вновь избранный король был не таков; ему были милы роскошные чертоги, а не воинский шатёр; его пленяло не бранное поле и не звук оружия, но офранцуженное общество с его остроумной беседой. На его сердце более действовал шорох шёлкового платья хорошенькой женщины, нежели шум родных знамён, разорванных и расстрелянных в боях и запечатлённых кровью. Новый король не был воин, и хотел прославить своё царствование такими делами, которые не пахнут порохом. Притом он хотел пожить среди роскоши и неги.

Как частный человек, Станислав Август был замечательной личностью, не говоря уже о его обаятельной внешности и о том чарующем голосе, которому невольно поддавался каждый, кто проводил с ним в беседе хоть несколько минут. Надобно заметить, что он объяснялся по-французски, по-немецки, по-

русски, по-турецки, по-английски, по-испански и по-итальянски, как на своём родном языке, а по игривости своего ума мог смело мериться с Вольтером, с которым и был постоянно в самой дружеской переписке. Корреспонденция его с разными дамами всех наций была обширна, и отличалась той утончённой любезностью и той изящностью, которые были необходимым условием в сердечных сношениях светского человека XVIII века с прекрасным полом.

Переписки этого рода занимали последнего короля польского гораздо более, нежели все дела государственные и судьбы того народа, главою которого его сделала слепая прихоть счастья.

Мы не будем говорить здесь о делах политических, но взглянем собственно на личность короля Станислава Августа. В этой личности было много странного и противоположного. Тотчас по вступлении своём на престол, король окружил себя последователями Вольтера; но часто, после долгой вечерней беседы, проведённой в их кругу, в которой он не жалел насмешек, его можно было видеть па-

давшим ниц перед Распятием, или иконой Богоматери. Каждую пятницу запирался он на два часа со своим духовником, каялся перед ним в своих грехах с сокрушённым сердцем и со слезами на глазах. Каждый великий четверг он исповедовался всенародно, падая на землю перед ксёндзом, сидевшим посреди костёла перед главным алтарём. Каждый праздник и каждое воскресенье он бывал у обедни. Но и после обеден, и после тайных и явных покаяний, он принимался опять за прежнее в кругу своих остроумных собеседников.

Тоже самое было и в управлении государством: и здесь была видна нетвёрдость и переменчивость его убеждений. Первый его взгляд на каждое дело был верен и находчив, но всё последующее было никуда не годно. При открытии какой-нибудь должности, он тотчас же выбирал на неё кандидатом такое лицо, на стороне которого было общественное мнение, но потом изменял своё намерение, без всякой видимой причины отдавая открывшуюся вакансию какому-нибудь своему любимому придворному или какому-нибудь ничтожному человеку, бывшему под покро-

вительством молодой или знатной дамы. Дамы знали слабость короля к их полу и ежедневно осыпали его записочками и личными просьбами, а Станислав Август ни в чём не отказывал им.

Характер короля представлял те же противоположности. Станислав Август был чрезвычайно кроток и не мог без живого участия не только видеть чужие страдания, но даже и слушать рассказы о них; а между тем, в течение своего царствования, он допустил столько жестокостей, над которыми бы остановился в раздумье самый грозный властитель. Притом, жестокости эти были сделаны без всякой надобности и вдобавок некоторые из них над лицами, совершенно невинными.

Хотя король не был вовсе мстителен, – он был скорее забывчив на всё дурное, – однако он преследовал некоторых из провинившихся перед ним разными способами, недостойными его высокого сана. Так, например, если кто-нибудь обидел чем-либо короля и потом имел какое-нибудь частное тяжёлое или судебное дело, то король секретными письмами склонял его судей на сторону его противни-

ков или же внушал им, чтобы они постановили над ним приговор без малейшего послабления. Этими поступками он потерял общее уважение. Преследуя одних до мелочности, Станислав Август в то же время осыпал иногда бесконечными милостями самых явных своих врагов.

В обращении короля проявлялись опять те же крайности: учтивый, любезный и снисходительный без меры, он иногда разгорячался до того, что давал пощёчины своей прислуге или бил своих лакеев палкой; но потом щедро награждал обиженных им и просил у них извинения.

Что касается женщин, то и в этом отношении у короля были свои особенные странности: часто он оставался совершенно равнодушным к такой очаровательной женщине, от которой сходили все с ума, и влюблялся до безумия в такую женщину, в которой не было ничего привлекательного. Одних из своих любовниц, с которыми он расходился не мирно, он награждал с непомерною щедростью; других же, которым он был как нельзя более предан; оставлял в нужде, очень близкой к

нищете. Вообще, завоевание женских сердец было едва ли не главной деятельностью этого миролюбивого государя. У одних магнатов он соблазнял хорошеньких молодых жён, у других сманивал и увозил любовниц. Волокитство короля доставляло ему множество врагов, которые при каждом удобном случае обращались в его политических неприятелей и колебали твёрдость его трона. Так, например, Станислав Август за похищенную им коварно у гетмана Огинского молодую девушку нажил себе в гетмане, одном из сильнейших магнатов Польши и Литвы, непримиримого и опасного врага, долго беспокоившего короля своею непокорностью и своими происками.

При всём этом, король любил науки и искусства. Обыкновенно в то время, когда по утрам завивал короля, в продолжение двух часов, парикмахер-англичанин, он был окружён учёными, поэтами и художниками, разговаривал с каждым из них о чём-нибудь очень дельно, или приказывал читать себе какое-нибудь сочинение, весьма метко оценивая все его слабые и хорошие стороны.

Обращение короля вообще было чрезвы-

чайно любезно; с шляхтой он постоянно обходился как нельзя более приветливо. Обыкновенно во время королевского туалета, шляхтичи, приезжавшие в Варшаву из воеводств и областей, собирались в соседней комнате, для того, чтобы представиться королю после его туалета. Привыкшие свободно и бесцеремонно толковать на сеймах и сеймиках, шляхтичи не оставляли своей кровной привычки и в чертогах королевских. Унять шляхту прямо повелением его величества было неловко, а между тем её громкие разговоры и нередко запальчивые споры в покоях королевских мешали королю заниматься в соседней комнате учёной беседой в подобающей для этого тишине. Один из дежурных камергеров поднимался однако на хитрость: в то самое время, как шляхта, забывая, что она находится в королевском дворце, начинала слишком громко толковать между собою, канарейки под шумный говор принимались (как они делают это всегда) петь всё громче и громче. Догадливый камергер выходил в это время из королевской уборной и, махая платком на клетки, в которых сидели канарейки, сердито

кричал на них: "Ах вы, беспокойные, тише! Королю мешаете!" Шляхтичи смекали, к кому относилось это, и переглянувшись друг с другом прекращали на время громкую болтовню.

Когда входил король в приёмную, все почтительно склонялись перед ним и старались выслушать каждое его слово. Король говорил увлекательно, то серьёзно, то шутливо, полным звучным голосом, внушавшим к нему доверие и расположение, так что всякий, говоривший с ним, поддавался какому-то приятному обаянию.

Любя сам непринуждённый и откровенный разговор, король очень скоро допускал его и со стороны своих подданных. Он сам повторял по несколько раз те остроумные ответы, которые приводилось ему слышать в разговорах с ними. Так, между прочим, он рассказывал, что в каком-то воеводстве жил шляхтич, несколько помешанный на том, что он король польский. Во время проезда Станислава Августа мнимый король представился настоящему.

– Приветствую мне равного, – сказал ласково король шляхтичу.

– Ваше величество, – отвечал шляхтич по-чтительно, – действительно, по рождению я равен с вами, и по смерти мы опять будем равны между собою; но в настоящее время вы мой государь, избранный мною вместе с другими моими братьями шляхтичами, а я – верный подданный вашего величества.

Король любил роскошь и пышность. До него польские короли жили летом в Виланове. Жилище это, в котором умер славный Собеский и которое сохранилось доньше в своём первобытном виде, было скорее домом богатого польского пана, чем жилищем короля одного из самых обширнейших государств в Европе того времени. Понятовский не удовольствовался этой скромной резиденцией и выстроил под Варшавою летний королевский дворец Лазенки, не уступавший в ту пору, по своей роскоши, ни одному из увеселительных дворцов тогдашних европейских государей. Около Лазенок явились обширные пруды с лебедями, страусами и павлинами; на деревьях, в дорогих клетках, были развешаны обезьяны, попугаи и разные редкие птицы, а между тёмной зеленью тополей и каштанов

мелькали белые мраморные статуи, купленные в Италии дорогою ценою. Роскошные цветы, посаженные в клумбах, наполняли воздух своим благоуханием. В этом прекрасном убежище король польский, как частное лицо, с любезностью и предупредительностью светского человека, встречал приезжавшую к нему в гости варшавскую публику, и с большим удовольствием показывал каждому все свои постройки, свои статуи, картины, древние монеты и разные редкости. Само собою разумеется, что прекрасный пол пользовался в этом случае со стороны короля особым почётом и особым вниманием.

Вообще, царствование Понятовского имело большое влияние на утончённость и развитие общественной жизни. Те попойки, которыми так щеголяла Польша при королях из саксонского дома, стали исчезать при дворе Понятовского. Сам король отличался чрезвычайною трезвостью, хотя и любил роскошный стол; повара его, немец Шютц и француз Тремо, пользовались за своё искусство громадною, европейскою известностью. Из всех любимцев короля только один генерал Ко-

наржевский славился страстью к попойкам и неодолимою в них крепостью своей головы; все же другие лица, приближённые к королю, были в этом отношении люди нового покроя, – люди учёные, предпочитавшие серьёзный или остроумный разговор продолжительным вакханалиям.

В толпе щеголеватых и пудренных царедворцев короля Станислава Августа являлись: учёный историк Польши Нарушевич, неразлучный спутник короля в его поездках по государству; Богомолец, жизнеописатель древних поляков; поэты: Венгерский, Трембицкий и Красицкий; Богуславский, творец польской сцены; глубокомысленные законоведы: Вельгорский и Сташиц; славный польский грамматик, монах пиарского ордена Коптинский, Ваза, Осинский, двое Потоцких, Игнатий и Станислав, Парамович и Фадей Чацкий. Все эти лица, приближённые к королю, славились своим умом и образованием; а Чацкий был один из тех деятельнейших и благороднейших ревнителей просвещения, каких мало вообще встречалось в целой Европе.

Но многие хорошие качества Станислава

Августа, как частного человека, были недостаточны для той поры, когда ему привелось править судьбами Польши. Среди тогдашних бурь необходим был Польше король-воин; но Понятовский не был рождён воином. Притом, к сожалению, он свои личные выгоды и удобства своей жизни предпочитал истинному благу возвеличившей его родины.

Против короля составлялись частые конфедерации шляхты, и в июне 1767 года было уже 178 конфедераций, условившихся соединиться в Радоме; а в 1771 году даже составилась заговор овладеть особою короля. Во главе заговорщиков были: Косинский, Стравинский и Лукавский; и только счастливое стечение обстоятельств избавило короля от замысла этих заговорщиков. В это время жил в Париже один из мелких владетельных князей, которыми в ту пору изобиловала Германия и которые искали по всей Европе или службы, если были храбры, или престола при помощи брачных союзов, если были миловидны собой и имели длинную родословную. Владетельный князь, о котором идёт теперь речь, не думал ни о том, ни о другом, но веселился в сто-

лице Франции до тех пор, пока кредиторы не решились упрятать его в тюрьму, как несостоятельного должника. Заговор против Понятовского помог немецкому принцу избавиться от преследований заимодавцев.

Как только его светлость, а быть может и его высочество, изволил узнать об этом, тотчас, по совету бывшего в то время в Париже варшавского банкира Теппера, учреждён орден "Божьего Провидения", в память избавления польского короля от грозившей ему опасности. Звезда этого ордена была золотая, с изображением посредине всевидящего ока и с надписью: "Vide cui fide". Лента была самая щёгольская – небесного цвета с золотыми каймами. Теппер открыл у себя бюро этого ордена. Сначала патенты на этот орден продавались по 100 червонцев, потом упали в цене до 25. В Варшаве, в Вильно, в Париже, на Волыни и Подоле явилось множество кавалеров этого ордена, не сознававших в чём состояло их отличие, и за что они украшены такой блестящей звездой и такой великолепной лентой. Вскоре всё это обратилось в смех; на кавалеров немецкого ордена стали показывать

пальцами; звёзды и ленты исчезли; но тем не менее немецкий принц поправил свои дела: он не только вывернулся из своих долгов, но ещё зашиб, при помощи ордена, кое-какие деньжонки.

Гетман Браницкий публично укорял Понятовского в том, будто бы он самостоятельною своей родины пожертвовал своему личному честолюбию... Область за областью отходила от Речи Посполитой, и король утверждал эти отделы, довольствуясь тем, что ему были оставляемы доходы с отбираемых от Польши областей.

Современные польские сказания передают, между прочим, о присоединении к Пруссии польских областей следующие подробности: от Пруссии в каждый повет было послано два комиссара; они приезжали в город, собирали народ и объявляли ему по-немецки, официально, а затем частным образом объясняли на ломаном польском языке, что такой-то город принадлежит его величеству королю прусскому, и что здесь уже не Польша, а Пруссия. После этого ставили столб, прибывали к нему бляху с чёрным орлом и отправля-

ли в приходский костёл столько экземпляров о присоединении какой-либо области к Пруссии, сколько было в этом приходе шляхетских дворов.

Король переносил всё это без особенного соболезнования, и был озабочен более собственными, нежели государственными делами. Самая главная его забота состояла в том, как бы добывать деньги. Он жил роскошно, тратил много, раздавал немало на убогих и на госпитали, а сам, вследствие всего этого, был постоянно без денег. Его факторы бегали по Варшаве с готовыми расписками, даже в 500 злотых, и занимали деньги в особенности у монахов, пугая их отнятием монастырских имуществ.

Скажем кстати, что после своего отречения от престола Понятовский оставил долгу на 34.000.000 польских флоринов. Он был должен и Евангелическому Обществу в Варшаве, и какой-то вдове Якобсон, и кармелитскому монастырю, и купцу Ришару 1800 флоринов, и за книги 2700 флоринов, и своим камергерам, Трембицкому, Пжецкому, и графине Тышкевич, и своему повару, и графине Мни-

шек за брильянты, и некоей г-же Камели 1.187.535 флоринов по невыплаченным пенсиям. О роде пенсионов, подлежащих ведению этой кассирши, догадаться нетрудно. Так, однажды, королю устроили на Висле особого рода праздник: на великолепной лодке посадили шесть самых красивых, полуобнажённых девушек в виде сирен. Они пели гимн в честь короля. После этого каждую девушку ему представили порознь, и каждая из них получила пожизненную пенсию, смотря по тому, в какой мере понравилась его величеству. Кроме того на короле было множество долгов по заложенным в разных местах брильянтам, а также золотым и серебряным вещам.

Б 1795 году, после взятия Варшавы, Суворов объявил королю волю императрицы Екатерины о выезде из Варшавы. Король медлил; а народ, не оказывавший до того времени расположения к Понятовскому, собирался с шумом перед королевским дворцом... Король выехал из Варшавы между двумя рядами солдат, расставленных Суворовым по тем улицам, по которым должен был двигаться коро-

левский поезд.

25 ноября 1795 года Станислав Август отрекся в Гродно от престола.

Он собирался отправиться на житьё в Рим, когда неожиданно получил от императора Павла приглашение приехать в Петербург. Король долго не соглашался на это, но его жена и окружавшие его дамы уговорили Станислава отправиться в Петербург... Все королевские драгоценности, при посредстве евреев, были проданы в Гамбург, и король отправился в Петербург.

Здесь он поселился в Мраморном дворце и жил уединённо.

В первый день 1798 года Павел приехал в гости к Понятовскому. С радостным лицом проводил король императора, после продолжительной с ним беседы, и обратившись к окружавшим его придворным весело сказал им: "Наконец судьба устала преследовать нас, – скоро мы увидим Варшаву!"

Ожидания короля не сбылись. 12 февраля, в полдень, он стал жаловаться на головную боль. Призванный для подания пособия, доктор Бедлер пустил ему кровь. Узнав о болезни

короля, Павел поспешил к нему, но застал его уже лишённым сознания. Император не отходил от умирающего короля ни на минуту. После исповеди Станислав Август скончался в 10 часов вечера. Ведённые им записки перешли, как пишут некоторые, в руки императора. Говорят, что король простудился, присутствуя на Иордане.

На мёртвого короля сам император надел корону, а в день его погребения ехал за гробом верхом до самого костёла, с опущенной книзу шпагой. Прах Понятовского лежит в Петербурге, в римско-католическом церкви св. Екатерины, по правую сторону главного алтаря.

Король был женат на Грабовской, урождённой Шидловской, с которой он жил долго вне брака и с которой обвенчался тайно в 1784 году, но до своего выезда из Варшавы не объявлял её своей женой, потому что, пред избранием его в короли, сейм обязал его жениться только на той, на которую ему укажут государственные чины, а между тем выбор их не падал на Грабовскую.

Понятовские герба "Телец", получившие в

1764 году, 18 декабря, по определению сейма, княжеское достоинство, существуют и поныне в потомках братьев короля; одни из них носят свою родовую польскую фамилию, а другие живут в Италии под именем князей ди Монте-Ротондо.

Примечания

1

Всеобщее соглашение – лат.